

СВЕТЛАЯ ВЕРШИНА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мухтар Ауэзов

На жизненном пути человека есть перевалы, с которых глубже и проникновеннее познается окружающий мир, красота и поэзия, вера и любовь в человека. Для меня таким перевалом явилось сердечное, круто изменившее всю мою жизнь, знакомство с русской литературой. Той самой литературой, перед которой в свое время был в долгу Абай и который сполна возвратил ей долг изумительной поэзией, проложившей к его родному народу широкие пути благодарной дружбы.

Как человек, для которого русский язык являлся не родным, я еще в пору обучения в русской школе страстно тянулся к русской языковой культуре. Я стал постигать богатство литературы, языка, на котором творили классики, и воспринял их как свою академию. Обучаясь в русском университете в Ленинграде, я с огромным увлечением и радостью открыл для себя сокровищницу русской художественной литературы. Новыми мирами открывались для меня классики XIX столетия, великие мастера русской прозы. И великим миром, особой притягательной силы, явился в моих представлениях Антон Павлович Чехов.

Что для меня необычайно великого в наследии Чехова, звучащем гимном человеку, вере и любви к нему?

Мне кажется, что можно учиться и в известной мере стать учеником на своей национальной литературной почве Тургенева, Толстого, Горького и даже Достоевского. А вот стать учеником Чехова, только опираясь на огромную к нему любовь, трудно, почти невозможно. Для этого надо родиться сходным по своей творческой природе, родственным по внутреннему, глубоко лирическому строю души. Я начинаю свои размышления с этой проблемы, потому что все литераторы советского Востока, да и вообще всех народов мира, у которых художественно-творческая культура письменной литературы приобретает все новые качества, обогащаются благодаря восприятию всего того передового, что есть в традициях мировой классической литературы, в центре которой высится великая наставница — русская литература.

Трудно учиться у Чехова, даже глубоко чувствуя огромную властную силу его гения, но нельзя восприятие его творческой культуры понимать как вид непосредственной учебы. Это художник особой палитры, многокрасочного, неяркого, но необычайно богатого колорита, у которого тональность душевных состояний, людских отношений не резка, не ярка, но тем более ошутительна в нем и легкая ирония, и мягкий юмор, и сочувствие к человеку, где любовь, грусть, печаль волнения о всяческих неустроенностях русского человека, народа находили в его душе горячий отзвук, будили веру в новые силы общества. Однажды рассмотрев, почувствовав переходные тона его нежнейших красок, уловив задумчивую мелодию пронизывающих душу напевов, мы уже не в силах расстать-

ся с ними, забыть их. Обаяние Чехова затрагивает все лучшие чувства человека, пробуждает красоту его мыслей, порывов, желаний.

Светлый чеховский гуманизм, внимание к судьбам «обыкновенного» человека насыщали его рассказы живым человеческим теплом.

Это был художник широкого диапазона, отобразивший социально-психологическую жизнь русского общества, обнаживший ее до самых корней и потаенных глубин. Среди его персонажей мы встречаем множество людей — хороших и дурных, благородных и озлобленных, мудрых и глуповатых. И нас поражает чеховское отношение к персонажам, в котором ничто не навязано, но освещено изумительно тонким, обостренным чувством меры. Сказочным волшебством своего слова он дает нам почувствовать, что следует быть на стороне доктора Астрова, что вы должны глубже понять Ирину — одну из трех сестер. Тонкая умная ирония говорит о глубокой гражданской взволнованности светлой души художника за судьбу народа, родины.

Читая «Мужиков», «В овраге», видишь как писатель совестью и кровью своей связан с народом, потому так потрясает его печаль о доле русского мужика. Не прямыми призывами, декларацией, а как бы обнажив кровоточащие раны народных бед, он приковывает внимание читателя к судьбам русского народа.

С волшебным мастерством, только ему присущим, он поет о русской природе, неповторимо сочетая поэтичность пейзажей с философско-психологическим обрамлением. Тонкий аромат чеховской «Степи» пронизал всю русскую литературу, нежные лепестки из «Вишневого сада» задели самые разноречивые чувства, белоснежные крылья «Чайки» рассекли застой, породили свежий ветер гнева за скорбные судьбы людей искусства.

Через все творчество Чехова проходят поучительное неизбежное чувство любви к людям из народа, к добрым его сынам из интеллигенции, скорбные думы о незавидной доле русского человека, опутанного несправедливостями, уродливыми общественными порядками. Обогащаясь то мягким лиризмом, то грустным юмором, усиливаясь и нарастая, проходят они лейтмотивом его поисков, его художественных обретенных.

Чехов немислим без его понимания идеалов красоты, смысла жизни, мудрости любви, назначения искусства. Они противопоставлены им пошлости, тупости, противоборствуют в жизненных конфликтах различных человеческих судеб. Он славил труд и считал, что «без труда не может быть чистой и радостной жизни».

Я читаю и перечитываю его книги, напоенные удивительно душевной красотой писателя, глубоко поэтичные по своему художественному строю, и, может быть, поэтому Чехов представляется мне светлой вершиной, озаренной утренним солнцем, которую природа наделяет невесомой прозрачной синевой, словно усиливая ее красоту и притягательность, неповторимую игру нежных полутонов. Восхищенными взорами тянутся к ней люди разных народов, многоязычно выражая свое удивление перед гением художника, столь страстно и целомудренно выразившего свою любовь к человеку.